

НЕ ПОДВЛАСТЕН ВРЕМЕНИ

ОДНАЖДЫ я получил из Италии подарок. Он особенно дорог мне. Это небольшой портрет великого итальянца Джузеппе Гарибальди с его автографом.

Гарибальди... Сквозь какие огненные бури прошел этот могучий дух, какие высокие страсти неистовствовали в герое, когда он сражался за свободу Италии, за торжество всего прекрасного, что собрано в великом имени Человек. Вспоминается мне и другой пламенный характер — великий итальянский актер, гарибальдиец Томмазо Сальвини, рассказывавший людям трагическую историю шекспировского Отелло, историю поверженного, но не побежденного воителя.

И еще один неукротимый характер — Поль Робсон. Негритянскому артисту угрожали, когда он играл Отелло. Зрителей, идущих на шекспировские спектакли, терроризировали. Робсону недвусмысленно писали о том, что очередной спектакль может стать последним в его жизни. Слушая рассказ Поля Робсона, я думал: велико мужество этого человека, неистребима его страстность борца.

К РАБОТЕ над ролью Отелло я шел, знакомясь с материалами творчества Мочалова, Сальвини, Остужева, с режиссерской разработкой Станиславского «Отелло». Меня волновали бесчисленные суждения о венецианском мавре — и полемически острые, и философически уравновешенные. Не могу не сказать, что путь этот проделал вместе с добрым и умным советчиком, с постановщиком фильма С. Юткевичем.

После выхода фильма критика встретила нового Отелло сдержанно. Раздавались упреки в заземленности образа, в отсутствии у мавра вулканических страстей.

Не стану спорить с критиками по поводу моих актерских просчетов. В чем-то я «не дотянул», где-то, наоборот, «переиграл». И все-таки мне хочется сказать о том, каким мне видится этот образ: Отелло ведет и еще будет вести бои за свое место в жизни и в искусстве.

Среди некоторых восторженных почитателей Отелло распространено мнение — невозможно раскрыть титаничность чувств венецианского мавра без «неистовства страстей», свойственных его природе африканца. Согласиться с таким суждением не могу.

Отелло велик тем, что принадлежит к общему человеческому братству. Обнажить это человеческое начало, освободив при этом

его образ от псевдоромантических наслоений, и есть задача актера. И я сознательно стремился снять Отелло с котурн, сделать его до земного земным. Не Дездемону карает он, поверив Яго, а мир лжи и подлости. Не преступлением велик обманутый Отелло, а тем, что готов бороться со злом, какие бы облики оно ни принимало.

Об Отелло можно говорить бесконечно, равно как и спорить о нем. Но раскрыть Человечность Отелло — то, о чем я мечтал. И поэтому мне особенно дорого, что эту черту отметил Лоуренс Оливье в письме, полученном мной после выхода нашего фильма.

ДЛЯ каждого актера встреча с шекспировскими ролями — экзамен на мастерство. Случилось так, что моя сценическая деятельность началась именно с шекспировской роли. Семнадцатилетним парнишкой я впервые ступил в Ейске на сцену профессионального театра в роли Валентина в «Двенадцатой ночи». Я и сейчас с волнением вспоминаю это. Больше всего меня тревожили не фразы, которые я произносил, а вопрос — свалюсь я или не свалюсь от напряжения в оркестр. Я не свалился, но при каждой новой встрече с Шекспиром не перестаю испытывать необыкновенное волнение.

ШЕКСПИР не подвластен времени. В каждую эпоху он может звучать по-своему, и каждый постановщик и актер открывают новое его звучание. Мир отмечает 400-летие со дня рождения Шекспира. Это календарная дата. Я бы сказал, что мир отмечает бессмертие и вечную юность художнической мысли, прокладывающей пути к прекрасному. Великое спасибо тем, кто ведет нас по этим дорогам.

Сергей БОНДАРЧУК
народный артист СССР

Материал из газеты, 1964, 25 апр.